

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПОВЕСТИ ГЕРЦЕНА «СОРОКА-ВОРОВКА»

Сообщение А. Крестовой

«Сорока-воровка» представляет собою пересказ эпизода из жизни актера М. С. Щепкина. Повествованию предшествует эпитафия. Он заимствован Герценом из хвалебной эклоги, посвященной неизвестным автором графу Сергею Михайловичу Каменскому. Из эклоги этой, напечатанной в «Украинском Вестнике» (1816 г., № 1, стр. 343—348), Герцен привел строки:

Твой дом, украшенный богато,
Гостям-согражданам открыт,
Там Терсихора и Эрато
С подругой Талией гостит.
Хозяин, ласковый душою,
Склоняет к ним приветный взор...

Однако, эпитафия этот в «Сороке-воровке» употреблен автором в глубоко ироническом смысле. Герцен не только не прославляет «болярина русского, знаменитого, вельможу титулом и душой...», стезя которого благотворенья», как поступает автор эклоги, но делает то же, что делал впоследствии Л. Н. Толстой: срывает маску с мнимого ревнителя искусства и показывает подлинный облик театрала-крепостника С. М. Каменского, установившего тюремный режим для подчиненных ему актеров.

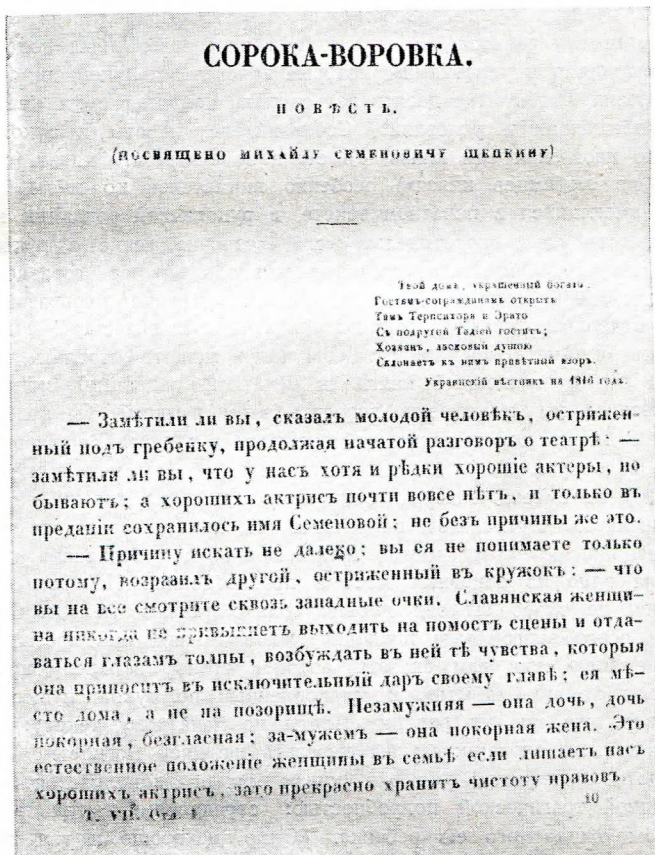
Темой повести является положение крепостной интеллигентки. Одаренная актриса Анета, прошедшая западноевропейскую школу, крепостная графа Каменского. Ее судьба — типичная судьба крепостной интеллигентки. До Герцена эту же тему затрагивали писатели-разночинцы: Белинский в пьесе «Дмитрий Калинин», Н. Ф. Павлов в повести «Именитый» (1836 г.). Все свое внимание Герцен сосредоточивает на защите прав одаренной и поруганной женщины и одновременно, как показывает изучение текста, доводит нападки на крепостное право до предельной, возможной в условиях николаевского режима, резкости.

Первоначально повесть предназначалась Герценом для альманаха, задуманного Белинским. Прочитав «Сороку-воровку», Белинский в феврале 1846 г. писал автору: «Твоя «Сорока-воровка» отзывается анекдотом, но рассказана мастерски и производит глубокое впечатление. Разговор — прелесть, умно чертовски. Одного боюсь, всю запретят. Буду хлопотать, хотя в душе и мало надежды» («Письма», т. III, стр. 103).

Несмотря на эти опасения, повесть появилась в журнале «Современник» (1848 г., кн. II). «Сорока-воровка» напечатана и прошла с небольшими изменениями, — несмотря на них мысль ярко высказывается, — сообщал о судьбе повести Белинский («Письма», т. III, 338). При жизни автора «Сорока-воровка» перепечатывалась еще два раза: в сборнике «На несколько часов» (вып. I, СПб., 1870 г.), с подписью, и в сборнике «Раздумье» (М., 1870 г.). Затем она вошла в женевское собрание сочинений Герцена (т. III) и в русские издания: Павленкова (СПб., 1905 г., т. I), и в «Полное собрание сочинений», редактированное М. К. Лемке. Печатаемая «Сороку-воровку», последний писал: «Подлинник не найден: текст дан по «Современнику»; в Женевском и СПб. изданиях есть несколько небрежных пропусков, но

там же и три-четыре небольших отступления от текста, которые, однако, ввиду общей небрежности обоих этих изданий, я не решаюсь повторить, предпочитая избрать текст, сданный Герценом в оба указанные сборника при своей жизни.

Утрата подлинника, на которую ссылаются издатели повести, и в том числе М. К. Лемке, не является, однако, непоправимой потерей. Дело в том, что первая, так называемая черновая рукопись «Сороки-воровки» не исчезла совершенно. Она осталась в бумагах покойного брата Герцена Егора Ивановича, позднее последним была подарена Т. П. Пассек, а та, в свою очередь, передала ее в журнал «Русская Старина», где в № 4 за 1889 г. повесть и была напечатана. Эта первая

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ЖУРНАЛЬНОГО ТЕКСТА ПОВЕСТИ ГЕРЦЕНА «СОРОКА-ВОРОВКА», В «СОВРЕМЕННОМ», 1848, КН. II

черновая редакция, помеченная 23 января 1846 г., является единственно полным текстом повести, свободным от каких бы то ни было цензурных искажений; в ней имеется целый ряд деталей, не встречающихся ни в печатном тексте «Современника», ни в заграничных изданиях «Сороки-воровки». Так, начальный период биографии Анеты дополняется в рукописной редакции следующей характерной деталью. Если в печатном тексте говорилось, что после смерти первого хозяина-помещика «трупша перешла в другие руки», то в рукописи сказано гораздо более резко и определенно: «Нас продали с публичного торга и князь купил всю трупшу».

Дальнейшее развитие сюжета в печатном тексте несколько затемнено. «Я стала замечать, — говорит Анета, — что один из любимцев князя особенно внимателен ко мне; я поняла эту внимательность и возмущилась. Князь не привык к откзам из трупши. Я делала вид, что ничего не понимаю; он счел за нужное высказывать

яснее и яснее свои намерения; наконец, он подослал ко мне своего поверенного с разными обещаниями и условиями. Я прогнала поверенного и на время преследования прекратились». Далее в печатном тексте представлена сцена чтения Анетой пьесы Шиллера «Коварство и любовь», во время которой появляется соблазнитель — «он», называющийся также «посетителем», «смешным стариком», «плешивым селадоном». Оба эти места по-иному и гораздо выразительнее звучат в черновой редакции. Так, поверенный, подосланный к Анете с разными обещаниями и условиями, как это видно из рукописи, не кто другой, как управитель князя, жестокий и деспотический человек, нрав и обращение которого изображались в предыдущем эпизоде повести, когда управляющий грубым голосом грозил наказаниями «молодому человеку с завязанными руками, босому, в сером кафтане не из очень толстого сукна». Именно этот управитель, а не какой-то поверенный, был подослан к Анете «с разными обещаниями и условиями», которые пояснены в рукописи: «Сулил отпускную на том условии, чтобы я на десять лет сделала контракт с его театром, не говоря о других обещаниях и условиях». Соблазнителем Анеты в рукописном тексте является не кто иной, как сам князь. «Я стала замечать, что князь (в печатной редакции «один из любимцев князя») особенно внимателен ко мне». Вместо фразы «это был он», имеющийся в печатном тексте, в рукописной редакции написано «это был князь»; вместо слов «посетитель», «он», «старик» везде в рукописи имеется тоже слово «князь». Оба вышеуказанные эпизода звучат гораздо выразительнее в рукописной, чем в печатной редакции. Значительно проигрывают в печатном тексте и отдельные детали столкновения Анеты с князем. В ответ на наглые предложения князя Анета восклицает: «Вы меня можете отослать в деревню на поселенье», на что возмущенный князь (в печатной редакции) кричит: «Я тебя научу забываться. Кому ты смеешь говорить этим языком? Ты воображаешь, что ты — актриса». В женевском издании добавлено «Ты прачка». В черновой же рукописи это место еще более усилено: «Я, дескать, актриса, нет, ты моя крепостная девка, а не актриса. Кому ты смеешь говорить этим языком. Да ты знаешь ли, кто я — твой помещик, Я, дескать, актриса, нет, не актриса, ты прежде всего то, что я захочу».

Вышеприведенная реплика князя, вскрывающая все бесправье крепостной актрисы, занимала одно из основных мест в произведении. Недаром после фразы: «Я думаю, меня не скоро бы они добились только такими мелочами» в рукописи стояло: «Хуже всего этого были последние слова князя, они врезались в голову, в сердце, я не знаю, как вам сказать, антонов огонь сделался около них, я не могла отделаться от них, забыть». Восстановленный по рукописи контекст повести уясняет и непонятную вне их реплику Анеты по печатному тексту: «Поживу еще года два с князевыми словами: их бы вырезать на моей могиле».

Образ Анеты, пережившей на зло князю роман, дополняется в рукописном тексте еще одной трагической подробностью: страданиями актрисы относительно будущей судьбы ожидаемого ею ребенка. «Одно нехорошо и тем хуже, что это прежде мне не приходило в голову — малютка будет его... он ему скажет: «прежде всего ты — мой». А впрочем, я так слаба, так больна, что, бог милостив, приберет и его».

Наконец, рукопись повести вскрывает гораздо сильнее и резче, чем в напечатанном тексте, симпатию рассказчика к бедной Анете. Так, исповедь ее заключалась в черновике следующими строками: «Я готов был броситься к ногам этой женщины. Как высока, как сильна, как чудно изящна казалась она мне в эту минуту признанья».

Отсутствие в печатном тексте повести отдельных эпизодов, выброшенных самим автором из цензурных соображений или же непосредственно зачеркнутых цензором, значительно притупляет социальную остроту повести «Сорока-воровка».

Эти эпизоды должны быть восстановлены, и повесть «Сорока-воровка» должна предстать перед советским читателем в таком виде, в каком она была первоначально задумана автором, с сохранением всей политической и социальной заостренности этого первоначального авторского замысла¹.

П Р И М Е Ч А Н И Е

¹ «Сорока-воровка» несколько раз переиздавалась за последние годы. В 1937 г. она была переиздана трижды: в сборнике художественных произведений Герцена под ред. Л. А. Плоткина, в избранных произведениях Герцена под ред. Я. Е. Эльсберга и в избранных же произведениях под ред. И. С. Новича, подготовка текста и примечания С. Я. Штрайха. Однако, никто из редакторов не восстановил подлинного текста «Сороки-воровки», ограничившись перепечаткой текста М. Лемке (Эльсберг), текста женевского издания (Плоткин) и в лучшем случае вводя в примечания, по совершенно непонятым причинам, две незначительные поправки рукописи — относительно сочувствия художника Анете и ее размышлений о ребенке (Штрайх).

Даже явная опечатка механически переходит из издания в издание: «Князь [дело происходит в конторе. — А. К.] важно отправился в бюро» вместо «к бюро». Не говорим уже о том, что «султаны и вельможи» нигде не заменены «царями» рукописной редакции.